

И.Г. СТРАХОВСКАЯ

*(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)*

ЛЕОНИД ЧАЦКИЙ, ИЛИ ГОРЕ ОТ УМА (К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Abstract:

Strakhovskaya I.G. *Leonid Chatsky or woe from wit (to the history of Russian emigration)*

The article presents valuable data of the history of the Russian emigration of the first wave. The author attempts to analyze the relationship between the poets, who were the members of the Berlin literary Association «Brotherhood of the Round Table».

Ключевые слова: история русской эмиграции, литературное объединение «Братство Круглого Стола» (Берлин 1922 г.), журнал «Современник» («Sovremennik», Торонто 1960 – 1980 гг.), Канадская ассоциация Славян, Анна Горенко (Ахматова), Николай Гумилев, Георгий Иванов, Владимир Набоков (Сирин), Леонид Страховский (Чацкий), Глеб Струве.

В 2015 г. в «Новом Журнале»¹ появилась публикация А.А. Бабикова² на основе материала рукописи из архива В.В. Набокова³, где автор статьи ссылается на сообщение, взятое из газеты «Руль»⁴ 1922 г.: «12 ноября в основанной отцом Набокова газете “Руль” было сообщено о бойкоте сотрудников “Накануне”⁵ и выходе из “Веретена”⁶ семи его членов, среди которых были писатель Сергей Горный (Александр Оцуп), прозаик Иван Лукаш, вскоре ставший другом и соавтором Набокова, поэт Глеб Струве, сам Владимир Сирин и поэт Леонид Чацкий (Страховский). Последний немедленно предложил создать новое непубличное и даже “тайное” объединение “Братство Круглого Стола”, в которое, помимо упомянутых литераторов, вошли Владимир Амфитеатров-Кадашев, прозаик и критик Владимир Татионов, Николай Арбузов, позже ставший владельцем книжного магазина, поэт и журналист, участник поэтической группы “Зеленая мастерская” Евгений Кумминг, гимназический учитель Николай Яковлев, позднее – поэт Владимир Корвин-Пиотровский»⁷.

Название, восходящее к легендарным артуровским рыцарям, было предложено, по свидетельству Струве, тем же Чацким, ставшим секретарем «Братства». В одном из примечаний публикации Бабикова приводятся сведения о Страховском (Чацком): «Леонид Иванович Страховский (1898, Оренбург – 1963, Торонто) – поэт,

прозаик, переводчик, историк и литературовед. Окончил Царско-сельский Александровский лицей, в 1917 г. поступил в Петроградский университет, тогда же начал сочинять стихи. Дружил с Г. Ивановым, который познакомил его с Гумилевым, сочувственно отнесшимся к его [Страховского – И.С.] стихотворным опытам. В 1919 г. эмигрировал в Англию. С 1922 г. – деятельный участник литературной жизни русского Берлина, сотрудничает с журналом “Спологи”, альманахами “Веретено”, “Медный всадник” и в том же году выпускает под псевдонимом Леонид Чацкий книгу рассказов “Фантазии лорда Генри”, сборник стихов “Ладья” и перевод романа Г. Шеффауэра “Корабль шампанского”. В середине 20-х годов уезжает в Бельгию и поступает в Лувенский университет. Там выпускает под своим именем второй сборник стихов “У антиквара” (1927). Затем переезжает в США, получает звание профессора, преподает в университете Мэриленда и в Гарварде. Автор книг по истории и русской литературе. С 1948 г. – профессор университета Торонто, где основывает журнал “Современник”⁸, продолжает печатать стихи (в том числе под старым псевдонимом) и прозу⁹.

«Для трех самых молодых и активных членов “Братства”, трех начинающих поэтов, почти ровесников (Струве, Чацкого и Набокова), английские литературные ассоциации названия были знаком их тайного культурного родства. Все трое приехали из Англии, где Струве и Набоков подружились в 1919 г. (причем именно Струве, поступивший в Оксфорд, посоветовал Набокову, увлеченному естествознанием, выбрать Кембридж), Чацкий же, отбывший из Архангельска в Англию на британском военном корабле, был лондонским приятелем Струве. Всех троих отличал британский или “псевдобританский пошиб”, которым Набоков позднее наделит некоторых своих героев»¹⁰.

В воспоминаниях, опубликованных в специальном, посвященном Набокову юбилейном выпуске журнала «TriQuarterly» (1970, № 17), Джулиан Мойнахан¹¹ описал Страховского как талантливое, педантичное, эмоционального человека с богатым воображением и сравнил его с Набоковым¹². Струве от имени Мойнахана описывает Страховского несколько иначе и рассказывает о том, что когда Мойнахан в конце Второй мировой войны учился в Гарварде, русскую литературу у них преподавал Страховский: «Он был “наш Пнин”, и я никогда не забуду, как он, бывало, заставлял нас анализировать стихотворения акмеистов, напечатанные на mimeографированных листках, и рыдал, рассказывая нам о трагической гибели своего любимейшего мастера поэтического слова Ни-

колая Гумилева. Доктор Страховский был жестким педантом с исключительно своеобразным личным стилем, с воображением, обращенным в сторону дореволюционного прошлого, наделенный богатой эмоциональной природой. Некоторые из этих же черт, поднятых до уровня возвышающегося над всеми гения, отличают Набокова»¹³. Герой набоковского романа Пнин, как и Страховский (по случайному ли совпадению?), родился тоже в 1898 г., у обоих жизнь связана с Санкт-Петербургом, оба потеряли родителей во время революции, оба эмигранты, окончившие европейские университеты, и приблизительно в одно и то же время оказались в США. Как один, так и другой стали профессорами американских университетов, преподававшими русский язык и литературу. При воображаемых картинах России Пнин плакал о навеки утраченной родине. Страховский, по словам Мойнахана, «рыдал, рассказывая о трагической гибели своего любимейшего мастера поэтического слова Николая Гумилева» (см. выше). Однако в этом же юбилейном номере журнала Набоков отмечает, что Страховский вовсе не напоминал Пнина. «Главный герой – профессор русского языка и литературы Тимофей Пнин показан с легкой иронией как русский интеллигент старой школы, пытающийся вписаться в американскую академическую среду. Фоном повествования служит картина жизни первой волны русской эмиграции в Америке. В финале романа уволенный профессор уезжает из города, но из более поздних произведений (“Бледное пламя”) можно узнать, что он возглавил кафедру славистики в другом университете»¹⁴, как и Страховский, который из Гарвардского университета в 1948 г. был переведен на славянское отделение Торонтского университета, где и работал в должности профессора истории и литературы до своей скоростижной смерти в 1963 г. Интересно, что и в судьбах самого Набокова (Сирина) и Страховского (Чацкого) оказалось также удивительно много совпадений. Оба – отпрыски аристократических семейств, начинали как поэты, оба – эмигранты, у обоих в результате Октябрьской революции были убиты отцы, оба окончили европейские университеты и преподавали в Гарвардском. В Кембриджском университете Набоков основал Славянское общество, впоследствии переродившееся в Русское Общество Кембриджского университета¹⁵. Страховский был президентом Канадской ассоциации Славян, соредактором «Американского Славянского и Восточно-Европейского Обозрения», основателем первого в истории Канады русского толстого журнала «Современник» и торонтской университетской славянской газеты¹⁶.

«Судьба двух рыцарей “Круглого Стола” после берлинской поры оказалась отчасти схожей: Чацкий переехал в Америку, <...> преподавал словесность в Гарварде, где через десять лет после него будет читать лекции и Набоков. Впоследствии Набоков не раз вспоминал своего берлинского знакомого – всегда с большой долей иронии. Он никогда не упоминал о том, что состоял с Чацким в одном литературном объединении, имел с ним общих друзей...»¹⁷. Вот что пишет Набоков Роману Гринбергу¹⁸ 25 декабря 1943 г., когда Набоков безуспешно искал постоянное место работы в американских университетах: «В Гарварде учителемствует человек по фамилии Cross, знающий только середину русских слов и совершенно игнорирующий приставки и окончания. Из двух его сподручных один все сводит на Польшу, а другой, Леонид Страховский (в двадцатых годах, в Берлине, писавший стихи под акмеистов и подписывавшийся “Леонид Чацкий”), занимает студентов собственными поэмами, которые он их заставляет учить наизусть и все рассказывает о большом своем друге и сподвижнике Гумилеве (которого он вряд ли когда-либо видел), так что Гумилев стал в некотором роде посмешищем у студентов»¹⁹. А вот отрывок из воспоминаний Георгия Иванова: «В начале 18 года Гумилев познакомил меня с молодым поэтом Леонидом Страховским. Поэт был молод, был, в сущности, еще подростком – революция застала его на школьной скамье, и теперь в большевистском Петербурге он беспечно «донашивал» «контрреволюционную форму» Александровского лицея. Несмотря на юность, он был сдержан, серьезен и много говорил о поэзии, обнаруживая настоящие познания и вкус. Гумилев явно ему покровительствовал. Стихи молодого Страховского нравились Гумилеву – он называл их “акмеистическими” – в устах Гумилева серьезная похвала»²⁰. В своих суждениях Набоков был «строг» не только к Страховскому, например, он Зигмунда Фрейда называл «венским шарлатаном» в разговоре со студентами. «Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что общее прошлое Набокова и Чацкого – жизнь молодого русского поэта-эмигранта – более не объединяет, а скорее разъединяет “собратьев”»²¹.

После выхода лирических сборников «Гроздь» и «Горный путь» в 1923 г. в Берлине В. Сирина обвинили в творческой незрелости и подражательности А.А. Фету и А.А. Блоку²², однако это не помешало Набокову при жизни стать классиком, стилю которого присущи игра в шарады из реминисценций, головоломки из зашифрованных цитат. Набоков ставил в укор Чацкому, например, то, что тот, описывая лондонский парк, всюду видит «метку» Берд-

слея. В своей рецензии он отсылает своих читателей к Оскару Уайльдлу, Джеймсу Уистлеру и начинает свой разбор стихов Чацкого словами: «Поспешим предупредить читателя, что Л. Чацкий Англию проглядел»²³. Таким образом, если имя Сирина связали с русскими именами Фета и Блока, то Чацкого с англо-американскими – Бердслея, Уайльда и Уистлера. Подобное противостояние имело место между символистами, выбравшими себе «четыре точки опоры» – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, и акмеистами, с их «тоской по мировой культуре», назвавшими тоже четыре ключевых имени для своего творчества – Шекспира, Рабле, Вийона и Готье.

Уже немолодой 55-летний акмеист Страховский в 1953 г. в Торонто издает свой третий, последний поэтический сборник «Долг жизни» с посвящением: «Памяти безукоризненного поэта, совершенного кудесника русского слова, дорогого и уважаемого Друга и Учителя НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА с чувством глубочайшего смирения посвящаю я эти стихи. Л.С.»²⁴. Произошел ли термин «акмеизм», первоначально использовавшийся наряду с термином «адамизм», от греческого «акме» – расцвет, вершина, острие, или от имени Анны Андреевны Горенко (Ахматовой) «акматус», то ли и от того и другого вместе взятых, так и осталось неизвестным. В литературной заметке «Фет и Ахматова» Страховский сравнивает два стихотворения Фета – «Музе» и Ахматовой – «Муза».

Музе

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих –
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы “Ада”?» Отвечает: «Я».

«Если Тютчев и Фет, “открытые” символистами, имели на них, по их собственному признанию, большое влияние, эти имена совсем не упоминаются акмеистами. Поэтому-то так поразительно сходство между стихотворением Ахматовой “Муза” из ее последней книги “Ива” (1940) и стихотворением Фета “Музе” из “Вечерних огней” 1888 г. Это, конечно, не плагиат, но очевидный отклик, подсознательный отголосок в поэтической душе Ахматовой, должно быть, давно ею прочитанного и глубоко воспринятого стихотворения Фета. Здесь налицо тот же пятистопный ямб с чередующимися женскими и мужскими рифмами. Здесь та же форма – строфы в четыре строчки каждая, у Фета – три, а у Ахматовой – две. И здесь то же настроение и, что еще важнее, мысли»²⁵. Помимо звуковых как «Пришла и села» у Фета (*ил* и *с-л*) и «Вот вошла» у Ахматовой (*ил*) Страховский отмечает, что в обоих стихотворениях муза посещает поэта – «входит» к поэту. Кроме того, в обоих стихотворениях запечатлено чувство тревоги. Фет говорит: «Счастлив и тревожен», Ахматова передает чувство тревоги словами: «Жизнь, кажется, висит на волоске». Оба поэта сознают себя недостойными музы. Фет пишет: «И если дар мой пред тобой ничтожен», а Ахматова: «Что почести, что юность, что свобода пред милой гостьей» (думается, что свобода для Ахматовой в 40-е годы была ценностью значительно большей, чем почести или ушедшая юность). О свободе говорит и Фет: «Заботливо храня твою свободу». Кроме того, Страховский подчеркивает, что и для Фета, и для Ахматовой муза не простая, земная, телесная, как у Пушкина. Вещая «незримая земле, в венце из звезд», у Фета, и которая «диктовала страницы “Ада”» Данте и пришла в «покрывале», как Сибилла, у Ахматовой. Хотел ли этим сравнением Страховский как бы намекнуть на уход Ахматовой от акмеизма и от Гумилева, памяти которого оставался верен до конца своих дней? Ответ он получил зашифрованный: «Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах “Петербургские зимы” Георгий Иванов <...> мелко, пусто и несущественно. <...> Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой два-три достаточно “пикантных” мемуара (“Петербургские зимы” Г. Иванова, “Полутороглазый стрелец” Бенедикта

Лившица, “Портреты русских поэтов” Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама – хотя бы великолепный цикл “Армения” в “Новом мире” в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении “Музыка на вокзале” Мандельштам кончился, перестал быть поэтом...<...> И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т.п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души – лучший, старейший университет Америки»²⁶. Ахматова искусно изменила псевдоним Страховского Чацкий на Шацкий, придав тексту иронический оттенок с намеком на неустойчивость автора.

О Чацком сохранились воспоминания его современников, не только ироничные, но и анекдотичные. В письмах Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. описывается история о том, как в 1920 г., будучи в Англии, Страховский вздумал поехать к Врангелю в Крым. Попал под самый занавес, пришлось возвращаться одиночкой, через Марсель, с большими приключениями. Когда, в очень «замухрышчатом» виде, с отросшими бакенбардами, он явился в один знакомый русский дом в Лондоне, ему открыла дверь старая няня и пошла докладывать хозяйке: «Барыня, барыня! Там вас не то Евгений Онегин, не то сам Пушкин спрашивает». После того Страховский и взял себе псевдоним Чацкий. В этом же письме Струве сообщает: «У меня сохранились рисунки Страховского – шаржи на членов кружка²⁷, причем В.В. [Набоков – И.С.] изображен в виде жирафообразного кентавра неплохо»²⁸. Имеется и еще одно трагикомичное воспоминание Струве о жизни Страховского²⁹. После того как Страховский из Берлина в 20-х годах уезжает в Бельгию и поступает в Лувенский университет, он решается разделаться со своим «легкомысленным» поэтическим прошлым и отказаться от претенциозного псевдонима. Написав и подписав своим подлинным именем длинный некролог, в котором сообщалось о смерти молодого безвременно ушедшего поэта Леонида Чацкого, Страховский отправил его в «Последние новости». Газетный редактор не знал, что Чацкий – псевдоним. Видимо решив, что речь идет о давно забытом поэте, который не заслуживает такого длинного некролога, редактор сократил его наполовину и напечатал без подписи. Родной дядя Страховского³⁰ М.И. Ростовцев – русский и американский филолог-классик, археолог и искусствовед, преподававший в это время в Йельском университете в Америке, прочтя напечатанный в газете некролог, послал взволнованный запрос в Лувен о судьбе своего племянника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старейший в Зарубежье «НОВЫЙ ЖУРНАЛ», основанный в 1942 г. по инициативе И. Бунина писателями М. Алдановым и М. Цетлиным, формировал литературный процесс Зарубежья. Сегодня в журнале представлено как современное творчество, так и наследие русской литературы. Выходит 4 раза в год. Издается в Нью-Йорке. Главный редактор – Марина Адамович.

² Андрей Александрович Бабилов – исследователь литературы русской эмиграции, составитель полного собрания драматургии Набокова.

³ *Бабилов А.* К истории берлинского «Братства круглого стола» (Неизвестная рецензия Набокова) // Новый Журнал. 2015. С. 281.

⁴ «Рул» – русская эмигрантская ежедневная газета. Выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редактировалась лидерами кадетской партии И.В. Гессеном и В.Д. Набоковым.

⁵ Ежедневная газета. Берлин, 26 марта 1922 – 15 июня 1924. № 1–651.

⁶ В мае 1922 г. в Берлине было основано содружество писателей, художников и музыкантов «Веретено», ставившее своей целью проповедовать творческое начало жизни и утверждать веру в созидательные силы русского искусства. В состав его совета вошли: А.М. Дроздов (председатель), Г.В. Алексеев, Сергей Горный (Н.А. Оцуп), В.А. Амфитеатров-Кадашев, В.Л. Пиотровский и др. В содружество вошли писатели: И.А. Бунин, Э.Ф. Голлербах, И.С. Лукаш, С.К. Маковский, В.И. Немирович-Данченко, Б.А. Пильняк, А.М. Ремизов, Г.В. Росимов, В. Сирин, а также художники С. Сегаль, В.А. Белкин, А.В. Андреев, М. Банд, И.И. Мозалевский. Летом содружество выпустило одноименный литературно-художественный альманах «Веретено», в котором были опубликованы произведения И.А. Бунина, И.С. Лукаша, А.М. Ремизова, Б.А. Пильняка, С.К. Маковского и др. После второго заседания, куда А.М. Дроздовым был приглашен А.Н. Толстой, в ту пору редактировавший литературное приложение к просоветской газете «Накануне», восемь активных членов – И.А. Бунин, Сергей Горный, И.С. Лукаш, В. Сирин, Г.П. Струве и др. – покинули содружество. А.М. Дроздов летом 1923 г. уехал в Советскую Россию. (Сведения приведены по данным Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Литературные союзы и организации).

⁷ *Бабилов А.* Указ. соч.

⁸ Современник *Sovremennik*, Торонто (1960–1980) – журнал русской культуры и национальной мысли, основанный проф. Л.И. Страховским – №№1–47/48. Под редакцией профессора Л.И. Страховского Торонтского университета №№ 1–7 (1960–1963).

⁹ *Бабилов А.* Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мойнахан Джулиан (Moynahan Julian) – американский романист, литературный критик, автор книги «Vladimir Nabokov» и предисловия к роману «Приглашение на казнь».

¹² *Бабиков А.* Указ. соч.

¹³ Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. Дата публикации: 26 февраля 2008. Источник: <http://portalus.ru> (с).

¹⁴ См. Пнин (Роман). Материал из Википедии – свободной энциклопедии: «Пнин» – роман В.В. Набокова, написанный на английском языке в США и изданный книгой в 1957 г. (ранее некоторые главы были опубликованы в журнале «New Yorker»).

¹⁵ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Набоков, Владимир Владимирович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Набоков,_Владимир_Владимирович).

¹⁶ <http://www.mochola.org/russiaabroad/popov/s/htm>

¹⁷ *Бабиков А.* Указ. соч.

¹⁸ Гринберг Роман – издатель и бизнесмен.

¹⁹ *Бабиков А.* Указ. соч.

²⁰ Николай Гумилев в воспоминаниях современников <http://tululu.org/read70181/153/>; Возрождение, №9, 1950. См. и ср. ^{9, 19} о знакомстве Л. Стравовского и Н.С. Гумилева.

²¹ *Бабиков А.* Указ. соч.

²² Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. А.П. Горкина. 2006.

²³ *Бабиков А.* Указ. соч.

²⁴ *Мезенцева Л.* Литературный календарь // Журнал «Литература». 2003. №15.

²⁵ *Страховский Л.* Фет и Ахматова // Новый Журнал. 1957. № 49. С. 261–264.

²⁶ *Ахматова А.* Листки из дневника. Воспоминания об О.Э. Мандельштаме. Примечания Л.А. Илюниной и Ц.Т. Снеговской // www.akhmatova.org/proza/mandel.htm

²⁷ Кружком Г. Струве назвал «Братство Круглого Стола».

²⁸ Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. Дата публикации: 26 февраля 2008 г. Источник: <http://portalus.ru>(с)

²⁹ Там же.

³⁰ Мать Л.И. Стравовского – урожд. Татьяна Ростовцева – была сестрой выдающегося российского историка М.И. Ростовцева. Отец – член Сената, губернатор в Тургае, затем в Вятской губернии и Тифлисе.